

Если говорить о памятных датах, то есть у нас "зимний" и "летний" Пушкин. Вроде как зимний и летний Никола в старом народном календаре. Летние пушкинские дни – большой светлый праздник, который, надо полагать, обретет особый размах в год уже недалекого 200-летия со дня рождения поэта. К зимним дням памяти Пушкина слова "праздник" и даже "юбилей" как-то не очень приложимы. Годовщина смерти, безвременной трагической гибели располагает если не к скорби, то к строгому, несуетному разговору о поэте и его судьбе, о долге перед его памятью. Именно такой и получилась наша беседа с ученым секретарем Пушкинской комиссии РАН, заведующим отделом пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) Сергеем Александровичем ФОМИЧЕВЫМ.

– Извините, какое издание? В минувшем году вышел пятитомный Пушкин, изданный частным издательством "Библиополис". Московское издательство "Воскресенье" осуществляет репринт старого академического Пушкина 1937–1949 годов, что, на мой взгляд, небесспорно, так как то издание имело ряд недостатков, прежде всего – отсутствие комментариев. Наше новое академическое издание начнет выходить, по-видимому, в начале будущего года, хотя пробный том "Лицейская лирика" уже вышел в свет и продается. Кстати, та же лицейская лирика вышла здесь же, на берегах Невы, еще двумя изданиями: в Лениздате – с замечательными иллюстрациями Э.Насибулина и в издательстве "Лимбус-пресс" в оформлении художницы И.Черновой-Дяткиной. В общем, даже сам факт, что я переспрашиваю вас: о каком издании Пушкина идет речь, – более чем отраден.

менее ведомственным, все более личностным.

– Значит ли это, что оно становится раскованнее, свободнее от идеологических догм и табу?

– Что касается "раскованности", то я предпочитаю быть осторожным в оценках. Когда выходят сразу две (!) книги на тему "Пушкин и карточная игра" – что ж, это нормально. У Пушкина игра в карты фигурирует во многих произведениях, а мы даже терминологии толком не знаем. Когда появляются многими изданиями скабрзные "Анекдоты о Пушкине" (к счастью, эта мода, кажется, сходит на нет) – это уже намного хуже. Когда же, пусть не у нас, а за рубежом, но наш бывший соотечественник, некто Армалинский под видом "интимного дневника Пушкина последних лет жизни" выпускает пошлую и грубую фальшивку, заставляющую заподозрить автора в некоей озлобленности по известной части, – это просто отвратительно. А ведь находятся любители "раскованности", которые принимают подзуживать нас: слабо, мол, издать у нас такое?

– Ну, а если говорить о вещах серьезных – не было разве так, что мы знали о Пушкине в каких-то случаях всего лишь полуправду? Недавно довелось слышать, что знаменитый ответ Пушкина на вопрос Николая I о том, что делал бы он, Пушкин, оказался он в Петербурге 14 декабря, преподносился нам в урезанной форме. Дерзкому заявлению "Был бы с друзьями на площади" предшествовала на самом деле оговорка: не разделяя, мол, преступных заблуждений...

– Разговор, как известно, проходил с глазу на глаз. И сохранились две его интерпретации: пушкинская, в которой никакой оговорки не содержится, и царская, в которой она приводится. Оба, как говорится, лица заинтересованные. На этот счет есть статья Н.Эйдеманна. Но полная правда мы не узнаем, по-видимому, никогда.

Хотелось бы в связи с этим обратить внимание на книгу "Мифы и легенды о Пушкине". Созданная под руководством М.Виролайнена и вышедшая в прошлом году, она готовится сейчас к переизданию. Авторы там – от Набокова до Андрея Битова, а рассмотрению подвергаются многие факты и коллизии, касающиеся Пушкина а, – как спорные, так и считавшиеся бесспорными. Например, то, что касается предка его – Ганнибал. Основные факты подтверждаются документально: арапчонек действительно был куплен в Турции для Петра I. Но все остальное, в том числе принадлежность его к царскому абиссинскому роду, известно лишь со слов самого Ибрагима...

– Приходилось слышать, что подвергается сомнению даже столь яркий факт, как встреча Пушкина с телом убитого Грибоедова!

– Это особая непростая тема. Одно можно сказать: "Путешествие в Арзрум", где говорится об этом событии, – произведение куда более сложное, чем может показаться. Это не дневник (в дневнике Пушкина упоминания об этой встрече как раз нет!), не репортаж, а в полной мере художественный текст, со всеми его атрибутами, включая и домысел, и реконструкцию того, что могло быть. Исследователи уже обращали внимание, например, на то, что в "Путешествии" упоминаются события на театре военных действий, которые Пушкин в описываемую пору знать заведомо не мог. Так что, как видите, мы не исключаем возможности поставить под сомнение нечто каноническое и общепризнанное. Но в интересах истины, а не грошовой сенсации. Вообще должен сказать, что всевозможная конъюнктура вроде попыток представить Пушкина чуть ли не диалектическим материалистом или, наоборот, благостным монастырским послушником – лишь рябь на поверхности. Настоящая наука во все времена занималась и занимается своим делом. Тем и жила, и живет, и жива будет.

Илья ФОНЯКОВ,
соб.к.к.р. "ЛГ"

КНИЖНАЯ ПОЛКА

“Что за прелесть эти сказки!”

Говорить о неиссякаемой актуальности пушкинских сказок – значит ломиться в открытую дверь. Кто не припомнит в самое недавнее время заветную формулу "Царствуй, леж на боку"? Ну, а строки вроде: "Царь скликает третью рать/И ведет ее к востоку/ Сам, не зная, быть ли проку" – вновь и вновь свидетельствуют о том, как трудно даются сказочные уроки многочисленным поколениям "добрых молодцев".

Но главная ценность пушкинских волшебных вымыслов – эстетическая. Вновь ее пережить взрослому читателю не так-то просто: зная тексты наизусть, мы считаем, что уже владеем ими. Надо, чтобы кто-то лишил нас этой иллюзии, пригласил подойти к хрестоматийным шедеврам с неожиданной стороны. Это и сделал Давид Медриш – представитель, так сказать, точной филологии. Он много лет занимается проблемой соотношения литературы и фольклора и запатентовал ряд открытий. Например, он выявил природно присущий волшебной сказке закон "сказано – сделано": действие всегда фиксируется в слове. Исходя из этого правила, для фольклорной сказки невозможна ситуация, обозначенная строкой: "Ничего не сказала рыбка" – это уже чисто литературный ход, синонимичный финалу "Бориса Годунова". Вот в таких схождениях и расхождениях фольклорного и собственно пушкинского начал нередко раскрывается сложность очевидного.

Еще один способ по-новому вжиться в мир пушкинских сказок – это осмыслить их как единый художественный цикл, подумать о перекличках между сюжетами и персонажами, о той последовательности, в которой сам поэт хотел разместить шесть произведений. Какая бездна философского трагизма в том, что в любом варианте мифология русской истории завершается "Золотым петушком"! Неужели невозможен обратный ход – к идеально утопическому миру мудрого Салтана, отважного Гвидона и восхитительной белки, гармонично сочетающей творчески-эстетическую деятельность ("песенки поет") с добыванием твердой валюты в виде "скорлупок золотых"? Вопрос не простой и, конечно, не детский.

В книге Д.Медриша подробно показано, как прочно связаны сказочные мотивы Пушкина с его несказочными произведениями – "Медным Всадником", "Евгением Онегиным", "Капитанской дочкой". ПУШКИН НЕ МОГ НЕ НАПИСАТЬ СВОИ СКАЗКИ – убеждает нас ученый. И сам он постоянно держит уровень, достойный предмета. С удивительной деликатностью и полнотой откликается на наблюдения предшественников – от В.Проппа и М.Азодовского до В.Непомнящего и И.Смирнова. С неподдельной увлеченностью дарит читателю филологические секреты, не впадая в многословие и патетику, счастливо избегая необязательных параллелей и аналогий, к которым так тяготеет угасающий постструктурализм. В этом смысле книга Д.Медриша представляется мне чрезвычайно современной и намекающей контуры филологии будущего, научно ответственной и в то же время демократичной в способах выражения, свободной от высокомерного эзотеризма и всем уже опустыленного эссеистического "стеба".

Д.Медриш наглядно показывает, как сумел Пушкин соединить энергию векового предания с оригинальностью индивидуального вымысла. А ведь это, быть может, важнейшая проблема современного сюжетостроения и сочинительства вообще. Не всем дано слагать сказки, но сориентироваться на этот волшебный эталон может каждый.

Вл.НОВИКОВ

Д.Н.Медриш. "Путешествие в Лукоморье. Сказки Пушкина и народная культура". – Волгоград. "Перемена".

Восхождение к Пушкину

Размышления по случаю некруглой даты

Лит. газета. – 1995. – 8 февр. – с. 6.

– 158 лет со дня смерти Пушкина после трагической дуэли на Черной речке – дата некруглая. И все-таки: чем отметили ее наши пушкинисты?

– Сразу уточним: не только наши, российский. В середине января состоялась международная конференция "Пушкин и современная культура", ее организовал Совет по истории мировой культуры РАН, возглавляемый академиком Б.Раушенбахом. Наряду с россиянами в конференции приняли участие исследователи из США, Франции, Японии и других стран. Вновь и вновь поднимался самый трудный, самый "проклятый" вопрос пушкиноведения: почему для широкого зарубежного читателя Пушкин – в отличие, скажем, от Толстого, Достоевского – не стал еще тем, чем является он для нас – то есть русским писателем "номер один"? Только ли в силу его якобы непереводимости? Так ли он непереводим? Так ли плохи существующие переводы? В конце концов воспринимали же и сам Пушкин, и его современники Байрона и Шекспира, испытывали их влияние, хотя знакомились с ними в далеко не совершенных, чаще французских переводах. Нет, тут дело в другом. Я сказал бы так: для каждого писателя предопределен свой час, свой срок вхождения в иные культуры. Сложилось так, что осознание миром русской литературы как великой литературы было связано прежде всего с русским романом: Толстой, Достоевский. Сейчас ощущают растущий интерес к Гоголю, хотя, конечно, его знали, переводили и раньше. И к Пушкину – как началу начал. Происходит некое восхождение к Пушкину. Прошедшая конференция наглядно это показала. Предпринимаемое нами совместно с англичанами факсимильное издание рабочих тетрадей Пушкина, о котором нам уже доводилось беседовать, – конкретный пример.

– Недавно мне позвонили из нашего магазина подписных изданий и радостно сообщили: наконец-то начинается подписка на собрание сочинений Пушкина...

– Тем более на фоне общего дефицита добрых, обнадеживающих новостей. Что же выходит, зря паниковали мы с вами в одной из прежних бесед: рынку, мол, Пушкин не нужен! Прошло немного времени – и положение выправилось само собой. Может быть, впрямь не надо так уж поспешно хвататься за веревку набатного колокола и относиться этот вывод не только к Пушкину, не только к изящной словесности?

– Ну, бить тревогу, когда есть для этого повод, конечно, надо. Само собой ничто не меняется. Но факт есть факт, наличие определенное оживление издательской деятельности, и сдвиг происходит в благоприятном для нас направлении. Издаются не только Пушкин, издаются литература о Пушкине. Воспрянули духом создатели одноименной "Пушкинской энциклопедии" во главе с И.Чистовой, в Москве группа под руководством Н.Михайловой работает на четырехтомной "Онегинской энциклопедией" – первый том скоро выйдет в свет.

– Нет ли тут нонсенса: "генеральная" пушкинская энциклопедия – в одном томе, а частная, "онегинская" – аж в четырех?

– Прежде всего там тома поменьше. И второе: "Пушкинская энциклопедия", "генеральная", как вы называете ее, строится по принципу очень строгого отбора. Только главное. И только относящееся непосредственно к пушкинской эпохе. Но я бы на вашем месте обратил внимание на другое. Вспомните: раньше, говоря о том или ином начинании, мы называли прежде всего научное учреждение, где оно осуществляется. Сегодня я начинаю с имени. С имени человека. Могу добавить, в частности, "Летопись жизни и творчества Пушкина" в трех томах, работа над которой началась под руководством Н.Тарховой. Конечно, все эти люди где-то работают: у нас ли в Пушкинском Доме, в Институте мировой литературы, в пушкинских музеях, в других научных учреждениях. Но на первое место сегодня вольно или невольно ставится имя. Простая перемена порядка слов? Нет, не так. Пушкиноведение, как и многое в нашей жизни, становится все